

Глава 28. Ты меня боишься?

Сун Янь весь застыл. Губы у него дрожали, в горле пересохло.

Увидев, что он молчит, Фу Линцзюнь чуть приподнял глаза:

— Не хочешь говорить?

Холод поднялся у Сун Яня от самых подошв, быстро пополз по спине, и уже через миг крупные капли холодного пота застучали по полу.

— Н-нет... я... я просто знаю немного... глава рода никогда ничего не раскрывал...

— Вот как, — отозвался Фу Линцзюнь.

Его длинные, похожие на нефрит пальцы мягко поглаживали белый комочек на коленях, а голос звучал всё так же спокойно:

— Тогда расскажи всё, что тебе удалось заметить.

Сун Янь с такой силой вдавил пальцы в пол, что костяшки побелели. Он ведь только что не проговорился, что ему вообще что-то известно. Как Фу Линцзюнь догадался, что ему случайно известно кое-что ещё?

Но ради сохранения собственной жизни Сун Янь всегда был готов продать что угодно. Поэтому он тут же выложил всё, что знал:

— У Тяньвэньхая... есть тайна. Поскольку... поскольку я заведу Залом Сохранённых Духовных Печатей, если у кого-то из учеников разрушается жизненная духовная метка, я об этом узнаю. С тех пор как я занял пост, примерно раз в десять лет в роду без всякой причины умирает группа учеников. Сначала я... из-за вражды с Гуанлином... не обращал на это внимания. Но позже, когда моя культивация стала выше, я смог смутно определить, где именно рассеиваются души умерших. И это... это было не в Гуанлине.

Он украдкой взглянул на Фу Линцзюня. Убедившись, что выражение лица у того всё ещё относительно спокойное, Сун Янь торопливо продолжил:

— Это утёс Жисы. Я тогда не знал, что это за место, и тем более не понимал, почему за тысячи лет... столько учеников погибло именно там...

— Позже по воле случая я узнал, что утёс Жисы когда-то тоже был духовной областью, а её

владыкой был глава секты Лянъи Янь Цунси. Но потом... потом даосский святой... нет, потом Цзян Чаньюань стал владыкой области Цянькунь, а утёс Жисы был слишком далёк, да и глава Янь не любил заниматься делами. Так это место постепенно пришло в упадок... а потом его снова заняли демонические звери и нечисть...

— Говорят, в те годы именно Цзян Чаньюань... помогал главе Яню подавить утёс Жисы.

— С тех пор я стал особенно внимательно следить за теми учениками рода, которые умирали на утёсе Жисы... И обнаружил, что большинство из них были не прямыми потомками рода Сун, а детьми, которых глава рода приносил извне и выращивал сам. И... всякий раз, стоило им стать учениками пути Дао, как примерно в одно и то же время они жертвовали собой...

— Точно! Было у них и ещё кое-что общее. Все они обладали телосложением инь. Так как культиваторы Тяньвэньхая в основном идут по пути воды, глава рода... особенно любил собирать и выращивать детей с телосложением инь...

Когда он договорил до этого места, великий демон напротив вдруг негромко рассмеялся.

Сун Янь напрягся ещё сильнее.

Фу Линцзюнь медленно оглядел его с ног до головы. Казалось, дрожащий, как сито, Сун Янь теперь вызывал у него не просто раздражение, а отвращение. Причём этого отвращения не было, когда он только пришёл.

— Продолжай, — холодно бросил он, медленно поворачивая запястье. На фоне чёрного рукава его бледная рука казалась ещё заметнее.

Лунный свет лился вниз, как вода.

Глядя в этот спокойный взгляд под луной, Сун Янь вдруг почувствовал страшную беспомощность, будто его душу целиком прочитали.

То жар, то холод накатывали на него волнами, а горло было так сжато, что голос почти не выходил.

Только страх смерти заставил его продолжить:

— Я... я думаю, что смерть тех учеников на утёсе Жисы наверняка связана с Цзян Чаньюанем. И... и ещё. Глава рода просил лекаря Линя из секты Хуаньюнь изготовить для него сжигающее душу благовоние. Насколько мне известно, рецепт этого благовония ему тоже передал Цзян Чаньюань...

На этом, по сути, всё, что он знал, было уже рассказано.

Цзян Тан, которого насильно притащили на ночной допрос в качестве подвески к великому злодею, теперь уже начал всерьёз сомневаться в том длиннющем и водянистом романе с сайта «Цидянь».

Разве это не должна была быть история о типичном «Лун Аотяне», который меняет судьбу, открывает читы и культивирует, становясь сильнее?

Почему тогда у второстепенных персонажей столько сцен и таких сложных линий?

Цзян Чаньюань ведь в романе был одним из тех, кто помогал главному герою Сун Цзиньё на пути возвышения. Каждый раз, когда он появлялся, он выглядел праведным великим мастером. Как вообще могло оказаться, что он связан с тем, как подставили Фу Линцзюня?

Конечно, Цзян Тан понимал, что роман — это всего лишь развлекательная история, написанная через точку зрения одного персонажа. А все люди, которые реально существуют в этом мире, проживают собственную полноценную жизнь. Просто в книге им, возможно, не досталось бы и одной строчки.

Отсюда и рождались все эти искажения восприятия.

Ладно.

Остаётся только смириться и плыть по течению.

Сейчас он всё равно не мог ничего «проспойлерить», оставалось лишь ждать, пока великий господин сам всё разрулит и унесёт его за собой.

Значит, теперь они отправятся на утёс Жисы?

Сун Янь дрожал, как в лихорадке, и в глазах у него стоял ужас:

— В-вы... всё, что я знал, я уже сказал! Про остальное я и правда ничего не знаю! Прошу, пощадите меня! Всё, что случилось сегодня ночью, я проглочу и никому не скажу ни слова!

Рука, гладившая пушистый комочек, замерла.

Фу Линцзюнь слегка наклонил голову, и на его лице появилась улыбка — по-детски невинная и при этом жестокая до ужаса:

— Ах да. Я и забыл.

Он встал и сделал шаг вперёд.

В следующую секунду его бледная рука с лёгкостью вошла Сун Яню в шею, как тупой нож входит в арбуз. Разрыв вышел грубым, рваным и страшным. Когда он вытащил руку обратно, вместе с ней наружу хлынули неразличимые ошметки плоти и фонтан крови.

Кровь.

Везде была кровь.

Цзян Тан настолько перепугался этой внезапной сцены убийства, что весь оцепенел. Брызнувшая кровь была ещё тёплой и неслась прямо в его сторону.

Но перед ним и Фу Линцзюнем возникла тонкая завеса света, задержавшая всё, что должно было попасть на них.

И всё равно Цзян Тан чувствовал себя так, будто стоит по ту сторону стеклянной двери, всего в нескольких сантиметрах от неё, а на стекло вылили два ведра алой краски, а потом ещё продолжили разбрызгивать сверху тяжёлые красные капли.

Мир перед его глазами целиком залило красным.

У пушистого комочка закружилась голова.

— Хх... кх...

Из огромной дыры в шее Сун Яня с бульканьем лилась кровь. Он ещё хотел что-то сказать, но уже не мог. Он только чувствовал, как из него утекают кровь и жизнь. Очень скоро глаза, полные ужаса, начали тускнеть, пока совсем не остекленели.

Кап.

Кап.

Прекрасные длинные пальцы уже были залиты алым. Фу Линцзюнь поднял руку, с отвлечением на неё посмотрел, затем сложил печать, и вся кровь с ладони исчезла без следа.

— Смешно, — сказал он, глядя сверху вниз на осевшее на пол тело Сун Яня, и на губах его мелькнула презрительная усмешка. — Если бы ты и правда ничего не знал об утесе Жисы,

откуда бы тебе так подробно знать даже о том, что все они обладали телосложением инь?

Затем он обернулся к Сян Сину:

— Постой у двери. Мне нужно ещё немного времени.

Сян Син почтительно кивнул:

— Да, хозяин.

Он широкими шагами ушёл к двери, и тонкий слой чёрного тумана начал расползаться из его тела во все стороны.

Труп на полу стремительно холодел.

Если оставить всё как есть, тело вскоре окоченеет, и тогда придать ему нужную форму будет трудно.

Фу Линцзюнь поднял руку, и лежавший на полу труп странно дёрнулся, словно его подняли в воздух невидимые нити. Бледно-лиловое громовое пламя сорвалось с его пальцев и упало на залитый кровью пол. Не прошло и минуты, как вся кровь испарилась без остатка.

Громовое пламя исчезло. Вместо него на кончиках пальцев зажёгся мягкий золотисто-красный свет. Выливающаяся наружу духовная сила превратилась в прекрасного маленького феникса, и тот полетел к почти оторванной шее Сун Яня.

Мягкое пламя на теле феникса медленно проникало в кровавую рану, и дальше всё выглядело так, будто он смотрел самый жуткий фильм ужасов на свете. Повреждённые ткани одна за другой начинали заполняться пламенем, а затем восстанавливались, пока не вернулись к прежнему виду, словно раны никогда и не было.

Голову выровняли. Шея, почти рассечённая надвое, заполнилась духовной силой.

И наконец полоска чёрного тумана, похожая на ядовитую змею, скользнула в рот и нос Сун Яня. Очень скоро в его пустых глазах снова появилось подобие жизни.

Восстановленное тело медленно опустилось на пол. Уже мёртвый Сун Янь смотрел перед собой пустым взглядом, а всё его тело оставалось скованным трупным окоченением. Он с трудом пошевелил руками и ногами, а затем медленно опустился на колени.

— Мне нужно, чтобы ты, пользуясь своим положением, сблизился с некоторыми людьми, —

приказал Фу Линцзюнь. — Ищи побольше молодых гениев, о которых ты ещё при жизни знал, особенно тех, кто связан с даосскими владыками, когда-то участвовавшими в моей печати. Ах да. Достаточно будет лишь слегка навести их на мысль об утёсе Жисы. Дальше я сам всё сделаю.

Сун Янь открыл рот. Но голос его был уже лишён всяких чувств. Он звучал как у куклы:

— Да, хозяин.

— Хорошо. Ступай. И побыстрее, — небрежно махнул рукой Фу Линцзюнь.

Сун Янь медленно поднялся с пола.

Поначалу двигался он совсем не так, как живой человек. Но к тому времени, как дошёл до двери, движения уже стали намного мягче и почти не выдавали ничего странного.

Когда он ушёл, Фу Линцзюнь лишь потянул шею, затёкшую от долгого сидения, а затем снова вытащил из-за пазухи пушистый комочек и пальцем приподнял ему подбородок, дразня.

Маленький комочек не шевельнулся.

Фу Линцзюнь взял одну из его лапок, слегка поднял:

— Что? Заснул?

Затем обеими руками с головы до хвоста хорошенько его размял и с тихим смешком растрепал мягкую шерсть:

— Глупая собака. Пойдём назад спать.

Но маленький комочек всё равно никак не отреагировал.

Только тогда Фу Линцзюнь заметил, что с ним что-то не так.

Обычно, если он дразнил его слишком сильно, белый комочек всегда пускал в ход свои мягкие молочные зубы и кусал его. А сегодня он был слишком тихим. Подозрительно тихим.

Фу Линцзюнь протянул палец перед его мордочкой:

— Поцелуй.

Комочек вздрогнул, потом неуверенно приблизился, дрожа, встал на задние лапы, передними осторожно уцепился за его запястье, лизнул палец, а потом тёплой мордочкой коснулся его ладони, будто и правда поцеловал.

Прикосновение к ладони было именно тем приятным, чуть щекочущим теплом, которое Фу Линцзюнь любил. Это была та самая близость, которой он добивался. Непослушный в последние дни зверёк вдруг стал необычайно послушным. И всё же именно это почему-то и вызвало в Фу Линцзюне раздражение.

Глядя на его робкое, слишком послушное поведение, он вдруг почувствовал, как внутри поднимается огонь.

Сначала это было просто лёгкое недовольство.

Потом всё это стало казаться ему всё более нелепым и смешным.

— Ты меня боишься? — спросил он.

Белый пушистый комочек жалко дрожал.

Фу Линцзюнь уже давно привык к тому, что за ним тянутся злые духи, а все живые существа боятся его и сторонятся. Но именно этот дерзкий пушистый комочек снова и снова без страха приближался к нему. И вот теперь он вдруг стал таким же робким и насторожённым, как все прочие.

В груди у него вспыхнуло что-то непонятное: то ли разочарование, то ли растерянность, то ли спутанная смесь ярости и страха предательства.

В следующую секунду он швырнул дрожащий комочек Сян Сину, резко развернулся и, подняв порыв ветра, с силой распахнул дверь и ушёл.

Сян Син торопливо поймал белого щенка. Огромная ладонь бережно подхватила его:

— Сяо Бай, Сяо Бай.

Голос у него был очень тихий, словно он уговаривал ребёнка:

— Сяо Бай. Быть счастливым.

Белый комочек со шлепком сел ему на ладонь. Два глаза, чёрные как виноградины, были влажными, а розовый носик растерянно ткнулся в руку громилы.

— Сяо Бай. Хозяин. Сердится, — Сян Син не понимал, что именно произошло, но чувствовал настроение и состояние Фу Линцзюня. — Мы. Найти. Хозяина.

— Ыу-у-у...

Нет. Ноги ватные. Его сейчас стошнит.

Цзян Тан превратился в совершенно бесполезную собаку. Сегодня он наелся до отвала всякой вкуснятины, и теперь в животе всё переворачивалось. Но сколько бы он ни открывал пасть, обратно подступала только кислота, а вырвать никак не получалось.

Сян Син посадил Цзян Тана на ладонь и быстро выбежал искать Фу Линцзюня.

Тот шёл так быстро, что уже покинул смертный город Чишуя и вышел на туманные пустоши, ведущие обратно к области Цянькунь. Сян Син нёсся следом, словно перегруженная грузовая телега, поднимая за собой тучи пыли.

Вскоре вся троица снова вернулась в область Цянькунь.

Фу Линцзюнь всё шёл вперёд, гонимый непонятным внутренним огнём, и вдруг медленно остановился, увидев впереди одно здание.

Это была высокая башня с зелёной черепицей и алыми карнизами.

Девятиэтажное здание носило название павильон Шаньхай.

Говорили, что его основал даосский святой по имени Су Цзян, создав здесь место, где можно было торговать чем угодно. Внутри были собраны несчётные сокровища со всех пределов Люхэ: небесные материалы, редкие лекарства, духовные артефакты. Если у гостя хватало денег, в павильоне Шаньхай он мог купить почти всё, что пожелает.

Услышав шумные шаги догонявших его сзади, Фу Линцзюнь понемногу успокоился. Затем, вместо того чтобы идти дальше по дороге, сменил направление и шагнул в павильон Шаньхай.

Примечание автора:

Цзян Тан: чего это он злится? Всё равно потом сам же вернётся и будет меня уговаривать.

Цзян Тан — обычный человек из мира закона и порядка. Фу Линцзюнь — местный чёрный

лотос, которого взрастили в чистой злобе. Так что на некоторые вещи они смотрят очень по-разному.

<http://bllate.org/book/17032/1603445>